

Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божіей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ?
Передъ людьми и божествомъ?..

Заботой тайною хранима,
Передъ иконою золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

1837

На смерть поэта.

Отмищенье, Государь, отмищенье;
Палу въ когати твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твоей правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.
(Изъ трагедіи.)

Погибъ поэтъ—невольникъ чести,
Паль, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ,
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убить...
Убить!!! къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?
Судьбы свершился приговоръ
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?..
Что жъ? Веселитесь: онъ мученій
Послѣднихъ перенестъ не могъ;
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увяль торжественный вѣнокъ.
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ: спасенія нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,—
Въ рукѣ не дрогнувъ пистолетъ...
И что за диво? Издалека,
Подобно сотнѣ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока;
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой законъ и правы;
Не могъ падить онъ нашей славы;
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку поднималъ...
И онъ погибъ, и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый и милый,
Добыча ревности нѣмой,

Воспѣтый имъ съ такою чудной силою,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ вѣгъ и дружки просто-
душной

Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый
и душный

Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ без-
ботнымъ,

Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ
ложнымъ,—

Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?
И, прежній снявъ вѣнокъ, другой вѣнокъ,
терновый,

Увитый лаврами надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово

Язвили славное чело;
Отравлены его послѣднія мгновенія

Коварнымъ шепотомъ безчувственныхъ не-
вѣждъ,

И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутокъ надеждъ!

Замолкли звуки дивныхъ пѣсень,
Не раздаваться имъ опять;

Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать.

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ ет-

Пятою рабскою поправшіе обломки [цовъ,
Игрою счастья обитенныхъ родовъ!

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Генія и Славы палачи!

Тайтесь вы подъ сѣнію закона:
Предъ вами судъ и правда,—все молчи!...

Но есть, есть Божій судъ, наперсники раз-
Есть грозный судъ: онъ ждетъ; [врата!

Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла онъ знаетъ напередъ.

Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злосло-
Оно вамъ не поможетъ вновь, [влю—

И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

Узникъ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,

Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.

Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлю,

На коня потомъ вскочу,
Въ степь какъ вѣтеръ улечу.

Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая съ замкомъ;

Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;

Добрый конь въ зеленомъ полѣ